Ода СКГМИ

Вячеслав Васильевич Сергеев,
доктор технических наук, профессор,
выпускник СКГМИ

Всякое учреждение это, прежде всего, здания – стены, в котором оно размещено, но украшают эти стены люди, которые в них работают. Я расскажу и о стенах, и о людях с точки своего личного восприятия. При этом покажу влияние провидения на мою судьбу.

Я из Армавира. Окончив школу, я не стремился к освоению какой-то конкретной специальности. Под влиянием юношеского задора, слегка подогретого комсомольскими лозунгами, в начале учебного года мы всем классом решили ехать на комсомольскую стройку Усолье-Сибирского химического завода, с перспективой поступить на заочное обучение и по окончании строительства остаться на нем работать в качестве инженеров. Но в течение года пыл наших одноклассников постепенно угасал, и после выпускных экзаменов нас осталось только четверо друзей, которые не потеряли интерес к своей мечте. Мы зарегистрировались в комитете комсомола на получение путевок. Там нам несколько раз откладывали эту процедуру, и в конце концов в середине июля объявили, что поскольку мы очень молодые (17 лет, а у некоторых из нас неполные), то нас без сопровождающего направить так далеко они не имеют права, а с сопровождающим – проблема, и нам предложили ехать строить какую-то дорогу. Мы, естественно, отказались. Выйдя из комитета комсомола и проходя около книжного магазина, купили справочник учебных заведений и стали искать подходящий вуз. Единственное, чего мы хотели, чтобы все в нем было в одном месте. Наткнулись на втуз-городок СКГМИ во Владикавказе, да еще с модными в то время специальностями «Промышленная электроника» и «Электронные приборы». Да и о Владикавказе были наслышаны, нам о нем с восторгом рассказывала учительница географии Клавдия Ивановна, которая закончила Владикавказский пединститут. Все это и подвигло нас выбрать окончательно для дальнейшего обучения СКГМИ. А поскольку по почте наши документы уже не успевали отправить, то командировали сначала меня одного, тем более, что у меня здесь жила дальняя родственница. Документы всех четверых у меня благополучно приняли, и я поехал домой, а через три дня мы уже все четверо приехали в институт.

Институт нам очень понравился: все учебные корпуса (четыре здания) в одном месте, рядом общежития, стадион, фруктовые (в основном абрикосо-

вые) деревья по всей территории. На месте сегодняшнего 5-го корпуса, от входа в институт до стадиона и вдоль него, была собственная котельная, которая обеспечивала и сейчас обеспечивает не только потребности института, но и близлежащие жилые дома, собственная почта с отделением сбербанка, на месте которых сейчас находится профилакторий и маленькая гостиница для уважаемых гостей, был собственный детский сад вместе с медпунктом. В общем, душа приняла, осталось дело за малым, чтобы институт нас принял. Конкурс на нашу специальность был больше десяти человек на место. Мои друзья как-то подготовились, а мне, в связи с разъездами, пришлось идти на экзамены практически без подготовки. Математику сдал на четыре, по химии получил тройку, а на третьем экзамене – физике – двойку.

Остальные мои друзья экзамены сдали. Но по специальности «Промышленная электроника» прошел только один из нас – Булеков Виктор. Остальные ребята по конкурсу не прошли. Василий Куськов согласился учиться по специальности «Горные машины и комплексы», а Николай Боткин попал на заочное обучение на специальность «Обогащение полезных ископаемых». Все эти события с нами произошли в 1964 году.

По возвращении домой я устроился работать на Приборостроительный завод учеником слесаря и работал с отцом в одном цехе. Одновременно, на всякий случай, подал документы в Армавирский филиал Краснодарского политехнического института. Здесь мне повезло больше: профилированные четыре экзамена я успешно сдал, а на пятом – литературе – получил двойку и на свой биологический день рождения – 15 сентября – я забрал свои документы. Это меня не очень расстроило (дополнительная тренировка), так как я уже был нацелен на СКГМИ. Василий написал мне, по какому учебнику нужно готовиться, я его купил, рассчитал, сколько примеров и задач в день я должен решать до начала вступительных экзаменов, одновременно рассказал о специальности, заразив меня ею.

Армавирский приборостроительный завод выпускал весы, причем минимальный вес у складских весов 600 кг, потом были скотские, автомобильные и вагонные. Мой цех выпускал промприборы: ящики – корпуса с различными рычагами внутри, а поверх них крепилась измерительная головка в виде циферблата, механизм которых связан с рычагами внутри корпуса. Я попал в бригаду, которая собирала корпуса, оснащала их всякими крышками, дверками и т. д. Моя работа состояла в том, чтобы сверлить множество отверстий, нарезать в них резьбу и потом, накрыв соответствующей крышкой, прикрутить ее винтами. После установки дверок их нужно было отрихтовать, чтобы они хорошо закрывались и открывались, а также прилегали со всех сторон. В общем, до конца года я вырос до слесаря сборщика 3-го разряда. Мой отец работал рядом, и его звено занималось юстировкой собранного промприбра, то есть обеспечивали настройку всех механизмов, чтобы их показания соответствовали действительности при разных грузах по всей шкале прибора. К концу года я параллельно сдал экзамен и на 3-й разряд слесаря-юстировщика. Одновременно я занимался спортом – борьбой самбо и решал

ежедневно отмеренные примеры и задачи, которые я до начала вступительных экзаменов перерешал все. Начало вступительных экзаменов совпало с моим отпуском, и я поехал во Владикавказ с месячной зарплатой в кармане. То есть в этот раз я не был стеснен в средствах, как в прошлый раз, когда, готовясь уже к третьему экзамену, завтрак и обед мне заменяли абрикосы.

Я все экзамены сдал, но по конкурсу на специальность «Промышленная электроника» не прошел. Документы на эту специальность я подал «по-накатанному», хотя в душе я уже был горным механиком. Так и случилось, когда на отборочной комиссии Герасименко Григорий Петрович объявил мне о такой вакансии, я был зачислен студентом первого курса специальности «Горные машины и комплексы». Это случилось в 1965 году.

В этом же году вместе со мной из Армавира приехал Николай Лысенко, мой соратник по спорту. Он также стал студентом специальности «Горные машины и комплексы».

Стипендию нам назначили. Ее размер был 28 рублей (на следующий год на нашем факультете она была уже 35 руб.), а вот с общежитием была проблема. В те времена местных ребят, которые в общежитии не нуждались, обучалось не более 10 %, остальные приезжали со всего Союза, преимущественно его европейской части. Общежитий было три.

Первое общежитие – это нынешний второй учебный корпус, второе – располагалось на углу улиц Тельмана и Пожарского и третье – на углу улиц Тельмана и Чапаева, ныне выведенные из юрисдикции СКГМИ. Поэтому первое время мы снимали квартиру по 10 рублей в месяц. Понятно, мы с Николаем испытывали некоторые трудности, поскольку ни от моих родителей (папа слесарь, мама ветврач на мясокомбинате, двое детей и еще стройка), ни от его родителей (колхозники) помощи ждать не приходилось. Деканом горного факультета тогда был Москаленко А. Г. – огромного размера и добрейший мужчина, а секретарем – Надежда Марковна, которую студенты называли своей матерью – так она переживала за каждого. Декан посоветовал нам заходить в деканат и узнавать об общежитии. Мы, получив такое разрешение, конечно, довольно часто это делали, настолько часто, что когда он приехал к нам в колхоз, то сам меня нашел и сообщил радостную весть. Да, учебный год начинался почти месячной помощью колхозникам Дигорского района в уборке урожая. Нам вменялась обрубка клубней сахарной свеклы от ботвы и хвостиков. Когда эта работа заканчивалась, мы собирали кукурузу. Некоторые факультеты жили в самой Дигоре, например, металлургический факультет размещался в церкви. Наш факультет располагался на брошенной свиноферме, а наша группа – отдельно, примерно в километре, в каком-то строении. Если остальные студенты спали на полу на набитых соломой подматрасниках, то студенты нашего факультета мастерили себе кровати из прямоугольных тюков соломы. На одну кровать хватало шести штук. Завтракали и ужинали на базе. Еду готовили в походной армейской кухне. Обед привозили в поле. Для этого у каждого была металлическая чашка и ложка, которые все привозили с собой. Так было первые два года. На третий год нас повезли в

пос. Фиагдон на стройку обогатительной фабрики, больницы и жилых домов. Нам была поручена «ответственная работа» по уборке строительного мусора. Здесь питались в столовой, здание которой сохранилось до сих пор. Но жили также на какой-то заброшенной ферме, спали на кроватях с нормальными матрасами. В последнее время я этого здания больше не нахожу.

Самое примечательное событие, которое произошло в этих местах: меня охмурила симпатичная металлургиня Шутовская Екатерина, которая в следующем 1969 году стала Сергеевой – моей женой. Два года назад мы сыграли золотую свадьбу.

В общем, после колхоза нас с Николаем заселили во второе общежитие, его называли горняцким, видимо, потому, что там жили в основном студенты горного факультета. Общежитие четырехэтажное. На первых трех этажах жили мальчики, а на четвертом – девочки. Комнаты на первом этаже впоследствии занимали семейные пары. В каждой комнате было по четыре кровати, кроме нескольких (из-за меньшего размера), в которых было три кровати. На каждом этаже в их крыльях были туалеты и кухни с газовыми плитами. Душевые (мужская и женская) располагались на первом этаже рядом с боксом коменданта.

Комендант общежития, Анна Ивановна – высокая, стройная женщина со звонким голосом и добрейшей души. Жила она в боксе, на первом этаже со вторым выходом во двор. Дети (двое, не помню то ли оба мальчика, либо девочка и мальчик), тогда младших классов, были огненно рыжими. Она была замужем, но муж ее в общежитии особенно не светился, хотя за сантехникой и электрикой похоже он присматривал. В общежитии, по сути, жили «дети» от 17 до 21 года. И она к нам относилась как к детям, но строго и справедливо. Дети, конечно, шалили, но Анна Ивановна «мусор из избы не выносила», не докладывала «наверх» по всякому поводу (кроме, конечно, серьезных случаев), и находила какие-то свои рычаги воздействия. За это и многое еще другое студенты относились к ней с огромным уважением. Не знаю, по какому принципу шло заселение, видимо, в начале – на свободное место, впоследствии мы жили в комнате в основном с одногруппниками. В общем, при первом заселении я попал в комнату со старшекурсниками-металлургами. Одного из них, не помню имени и фамилии, называли по позывному Ициком. Он впоследствии стал главным металлургом Братского алюминиевого завода. Остальных двоих имен не помню. Они научили меня играть в карты в преферанс. Ицик играл на уровне профессионала. Конечно, я проигрывал, поэтому для того, чтобы иметь возможность ходить в столовую, ходил на базы разгружать железнодорожные вагоны. Один из них, уже когда я был на четвертом курсе, нашел меня, ну в очень нетрезвом виде и попросился на постой. Я его принял, уложил спать и ушел на тренировку. Возвратившись с тренировки, нашел все общежитие в дыму. Я сразу заподозрил, что это что-то неладное произошло с моим гостем. Так и случилось, он в постели закурил и заснул. Прогорели наволочка, подушка, простыня и матрас, задымив все этажи. Но, несмотря на ожоги плеча, сам он так и не проснулся,

и мои друзья (еще до появления коменданта) перевели его в другую комнату, где он благополучно продолжил спать. Анна Ивановна руководству не доложила, но вычла с меня стоимость сгоревшего имущества в конце года. Жили мы (особенно члены нашей группы) в общежитии дружным коллективом, готовым прийти друг другу на помощь, делились между собой всем, что имели. Например, я имел возможность почти каждый месяц ездить домой на пару дней. В обратную дорогу мама нагружала меня всякими краснодарскими вкусностями, которые в первый же день куда-то испарялись. То же происходило с «передачками» других ребят. Если жарили картошку, основное блюдо студентов, то жарили ее в сковороде, наверное, полметра диаметром, вокруг которой собирался практически весь наш коллектив.

Из преподавателей особенно запомнился математик Артюхов, по-моему, Михаил, а вот отчества не помню. Крупный поджарый мужчина с громким басовитым голосом, которым он озвучивал первую огромную аудиторию в третьем корпусе, где мы слушали лекции целым потоком (все механики, хоть и с разных факультетов). Лекции записывались легко, тем более, что формулы на доске выписывались каллиграфическим подчерком. Чувствовался специалист высокой квалификации. Но, похоже, прямого контакта со студентами он избегал, поскольку экзамены мы сдавали машине под названием Ласточка (это был наш первый опыт). Нужно было ответить на десять вопросов. От количества правильных ответов зависела оценка. Я сдавал с первого раза, но на тройку. Вообще я за все время обучения не имел не одного «хвоста», но что интересно, как я не старался, но первые три семестра у меня обязательно заканчивались с двумя тройками. Потом ситуация изменилась.

Нужно сказать, что все преподаватели, которые меня чему-то обучали, были профессионалами своего дела, и у меня ни один из них не вызывает негативных воспоминаний. Но некоторые оставили положительные эмоции, которые я помню и сегодня. Об одном из них я уже рассказал. На первом курсе особенно запомнился Тогоев Владимир Дмитриевич. Тогда молодой преподаватель, он вел у нас практику по начертательной геометрии и черчению. При своем небольшом росте в нем чувствовалась какая-то внутренняя пружина, которая естественно действовала и на нас. Эта пружина была заведена до конца его жизни. Задания я выполнял быстро и приносил сдавать первым в группе. Но больше четверки он мне ни разу не поставил. Чертежи были грязноваты – ватман был плохого качества и при удалении линий ворсился, а грифель размазывался – не помогало даже яйцо, и еще, я все овалы чертил не путем инструментальных построений, а от руки. Но чертежи были правильными, и он у меня их принимал с первого раза. Сокурсникам помогал с удовольствием, но никогда вместо кого-то ничего не делал. Один раз не удержался и начертил Николаю несколько овалов, так Владимир Дмитриевич определил сразу мою руку, как только Николай развернул чертеж.

На старших курсах оставил хорошую память Кряжев Владимир Иванович, невысокого роста, но мягкий и добрый. Он вел у нас гидравлику. К третьему курсу у меня выработалась практика сдавать все экзамены досроч-

но, и когда все сдавали сессию, я уже отдыхал и имел дополнительный месяц каникул. И вот однажды я обнаглел, похоже, (до сих пор стыдно) и пришел сдавать экзамен досрочно и без подготовки. Владимир Иванович пожурил и отправил готовиться. Через неделю я, конечно, этот экзамен сдал досрочно и на «отлично».

Была еще одна хитрость, которой я с успехом пользовался. У нас учебный час равнялся 45 минутам, то есть пара длилась 90 минут без перерыва внутри пары. Между парами был перерыв 10 минут на смену аудиторий. Большого перерыва не было. Поэтому все студенты после занятий галопом бежали в столовую и стояли в огромной очереди. Я же шел в общежитие и выполнял задания, причем выданные сегодня, а не необходимые завтра. Во-первых, мне не надо было настраиваться на эту процедуру, во-вторых, по свежей памяти, что и как мы делали в аудитории, задания выполнялись легко и быстро. Это помогало закреплять знания. Когда народ возвращался из столовой сытый, у меня все задания уже были выполненными, и я шел в столовую и ел без очереди. После чего ехал на тренировку. Так выполняют задания школьники. Я делился опытом с друзьями. Но, что интересно, никто из них не смог заставить себя выполнять домашние задания за неделю, а в некоторых случаях за две. Мы с Николаем продолжили занятия спортом, приехали второразрядниками и во Владикавказе выросли до первого разряда. В конце четвертого курса я со спортом завязал, а Николай занимался до конца. И все удивлялись, что я не учусь (потому, что никто не видел), а пятерки на экзаменах получаю.

О столовой нужно сказать отдельно. Располагалась она в нынешнем «евросарае», на месте сегодняшнего помещения ландшафтных дизайнеров и лаборатории выщелачивания. Готовили вкусно, персонал доброжелательный. Талонов на питание тогда не было. Но одно время хлеб и горчица были бесплатными, и все время стояли на столе. Этим я и не только я пользовались в тяжелые времена: хлеб с намазанным на него слоем горчицы и стаканом чая – вкусняшка неимоверная. Когда были деньги (как правило, после получения стипендии), я баловал себя отбивными по 41 копейке. Отбивные были первоклассными, с тоненькой полоской жира по краю, из-за чего отбивная была сочная и таяла во рту. Я потом, даже готовя сам, таких отбивных больше нигде и никогда не ел. А отбивные у меня до сих пор любимое блюдо. А какие борщ и гороховый суп, просто объедение! Правда, на первом курсе, когда я еще жил на квартире, я отравился столовским рассольником. Спасибо соседям – вовремя вызвали скорую помощь. До сих пор от слова «рассольник» мне становится не по себе.

Многие преподаватели мелькают «калейдоскопом»: Писарчуковский (вел у нас по современному – Информатику: изучали и осваивали работу вычислительных машин «Проминь» и «Минск-22»), Баюров (практика по электротехнике и автоматике), Пропой (практика по транспортным машинам) и так далее. **Имена многих людей уже не помню, а воспоминания о них теплые.**

Но были преподаватели, забыть, которых просто невозможно, и которых хочется называть более теплым словом Учитель. Таким был Герасименко Григорий Петрович. Высокий, поджарый, принципиальный, строгий, спокойный и немного ироничный – гроза студентов. Он вел у нас предмет Подъемные машины. Курс шел два семестра с курсовым проектом. Сегодня же я имею возможность упомянуть о подъемных машинах в курсе Грузоподъемные машины в нескольких лекциях. Лекции Григорий Петрович читал четко, рисунки на доске чертил мелом так, как некоторые не могли чертить на бумаге карандашом. Мы все успевали записать и начертить. Я с гордостью могу сказать, что впоследствии мы стали друзьями.

Не могу не вспомнить Хадзарагова Александра Петровича (ХАП – как мы его называли). Вел у нас аэрологию. Практические работы проводили в подвале жилого корпуса №4. Там была организована настоящая горная выработка, закрепленная деревом с забутовкой пространства за крепью булыжником. Она жива до сих пор, но доступа к ней больше нет. Все это перешло под юрисдикцию жильцов дома. Был установлен настоящий шахтный осевой вентилятор местного проветривания (мне его удалось сохранить и он сейчас находится на Полигоне горных машин). Мы измеряли скорость воздуха в выработке.

Нельзя забыть Чопикашвили Михаила Александровича и его манеру читать лекции и принимать экзамены. На лекции каждые 10–15 минут рассказывался анекдот, поэтому он не любил, когда на лекции присутствовали девочки. При всей кажущейся несерьезности – лекции были наполненными и хорошо оформленными, я этим был приятно удивлен, когда открыл через несколько лет после окончания института чудом сохранившиеся лекции по шахтному транспорту. Лабораторные работы проходили в другом крыле подвала жилого корпуса № 4. На экзаменах Михаил Александрович разрешал списывать, но со своих лекций. И после ответа на вопросы в билете задавал вопросик. И если списано то, что надо и на вопросик отвечено правильно – экзамен считался сданным. Системы разработки вел Беляев Вадим Георгиевич. Среднего роста, слегка полноватый, добрый преподаватель. Не помню, какими преподавательскими методами он пользовался, но я до сих пор в системах разработки месторождений разбираюсь не хуже любого горняка, даже имею два патента на изобретение по этой теме.

Особое уважение заслуживает Емекеев Вячеслав Иванович. По фактуре он был схож с Беляевым. Вячеслав Иванович вел у нас курс горные машины и комплексы. Лабораторные работы проводились в полуподвальном помещении 3-го корпуса, на месте сегодняшней заочной библиотеки. Здесь были установлены настоящие шахтные комбайны и врубовая машина. Впоследствии они были перенесены на Полигон горных машин, но вирус «сдать в металлолом» их не минул. Вячеслав Иванович у многих, кто не был с ним близко знаком, вызывал некоторую иронию. Видимо сказалось рябое лицо, скорее всего, после перенесенной оспы, чистенькие пухленькие руки и не скрываемая любовь и забота к сыну (в то время школьнику). Характер имел взрыв-

ной, начинал кричать, но каким-то мягким криком, и у меня, впоследствии, вызывал не страх, а улыбку. Я понял, что это спектакль одного преподавателя, потому что он мог сразу же после крика обратиться совершенно нормальным голосом и продолжить разговор. Вячеслав Иванович личность незаурядная. Он был руководителем многих аспирантов, все защитили кандидатские диссертации, причем не только из нашего института, но и из других вузов страны (тогда СССР).

На последних курсах института я откровенно смеялся над теми ребятами, которые хотели после института заниматься чертежной работой, а особенно над теми, кто хотел заниматься научной деятельностью.

В то время существовали две формы обучения: по направлению от предприятия, оно же выплачивало им стипендию, и остальные, которые посовременному называются бюджетниками. Ребята, которые по направлению, отслужили в армии, имели стаж работы в шахте и были старше нас от пяти до восьми лет. Таких было у нас в группе человек пять. Все они жили в общежитии. Один из них был нашим старостой – Галаов Таймураз из Мизура. Мы его называли Жаронд – старик. Что интересно, но он до сих пор не изменился ни фигурой, ни лицом.

Рассказ будет не полный, если не упомянуть «государство в государстве» в нашем институте – военную кафедру. Решение военной кафедры руководством института не осуждалось и не оспаривалось. Располагалась она на четвертом и частично на третьем этажах первого корпуса, рядом с военно-патриотическим музеем. Экспонаты этого музея сейчас находятся в новом музее. Кроме того, существовала хозяйственная часть военной кафедры с гаражами для автомобилей (ЗиЛ и топопривязчик на базе УАЗ-66). Сейчас на месте гаражей построен корпус для проведения научных конференций с прозрачным куполом над залом заседаний. Зачисляли на военную кафедру со второго курса всех студентов, кроме девочек. Студентов, которые отслужили, на кафедру зачисляли по их желанию. Преподавателями были в основном боевые офицеры, прошедшие Великую Отечественную войну, закончившуюся тогда 20 лет назад, в чине подполковника и полковника. Был один молодой майор (не нюхавший войны).

Все преподаватели были строгие. Особенно запомнился полковник Шилов С.А., герой Советского союза.

К моменту окончания института были построены четвертое общежитие и спортивный комплекс, первое общежитие окончательно было переделано во второй учебный корпус, был заложен фундамент под пятый учебный корпус.

Институт я окончил в 1970 году. В то время все выпускники обеспечивались работой, должны были распределиться между предприятиями, поехать туда по направлению и отработать там не менее трех лет. Распределялся я третьим после комсорга и отличника – Милушина Юрия из Минеральных Вод. Староста учился по направлению от предприятия и уже был трудоустроен. Я собрался ехать в Уфу на завод. Но поскольку я был женат, и жена заканчивала обучение одновременно со мной, то направить нас могли только

в тот город, куда были места и у нас, и у металлургов. Таких мест было два: в Усть-Каменогорск (ей на Усть-Каменогорский свинцово-цинковый завод (УКСЦК), а мне в научно-исследовательский институт) и во Владикавказе (ей на завод Магнит, а мне в проектный институт Кавказгипроцветмет). На наш выбор повлияли увещевания заведующего отделом кадров Кавказгипроцветмета – о скором получении квартиры. И мы остались во Владикавказе. Провидение распорядилось второй раз по-своему, (первый раз с выбором специальности), определив меня на не очень любимую проектную работу горным инженером-механиком в горный отдел с окладом 100 рублей.

Работа была интересная, я естественно втянулся и начал получать удовольствие. Огорчение приносили дни получения зарплаты (уж очень она не соответствовала вложенному труду – студентом пятого курса я получал на 10 рублей больше). При этом старики в отделе – главные специалисты, практически спали на рабочем месте, а зарплату имели в два с лишним раза больше. Поэтому, когда Вячеслав Иванович по каким-то делам пришел в институт и увидел меня и предложил заняться наукой, то я согласился. Это был уже 1972 год.

О своей научной деятельности в стенах института можно было бы рассказать много интересного, скажу только, что начал карьеру младшим научным сотрудником. Потом вырос до старшего научного сотрудника и был ведущим научным сотрудником. В 1983 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 2004 году – докторскую. Преподавательская деятельность, куда я не очень рвался, началась сначала доцентом, а потом и по настоящее время профессором.

Таким образом, провидение меня направило в нужное русло и в третий, (научная деятельность) и в четвертый (преподавательская деятельность) раз.

Если подвести итог своей жизни, то я скажу, что жизнь моя была интересной, наполненной и я всем доволен, а самое главное – это люди: с кем учился, работал, да и просто встречался, и если бы начал сначала, я бы выбрал тот же путь.

Многие, прочитав этот материал, скажут, что это не ода СКГМИ, а ода себе. Нет, это не так.

Во-первых, поколение наше было другое, с мотивацией для учения другой, чем сейчас. Например, пропуск занятий не считался доблестью, и если кто пропускал, то делал это по уважительной причине. Напомню, училось тогда 90 % приезжих. И приехать за несколько сот километров, чтобы пропускать занятия? Нонсенс. По этой же причине и относились к обучению соответственно. Да и деканат работал совсем по-другому, чем сейчас. И я ничем особенным не выделялся из общей массы.

Во-вторых, я обещал описывать события с точки зрения личного восприятия и личных воспоминаний. Причем, можно было бы обратиться к каким-либо документам, чтобы освежить память, но я намеренно не стал этого делать.